

БЕЗ БЕСЕД — СОЛДАТА НЕТ!

Раз машину в рейс ведешь — все равно, что в бой идешь

Много было разговоров про водителей-шоферов. Все рассказано уж вроде, но половица в народе: «Век живи и век учись». И в учебе не ленись, не чурайся, брат, совета — пусть проехал ты полсвета, за баранкой суший хват иль, как люди говорят, съел собаку в этом деле, — все равно, уж будь уверен, что всего ты не познал. Я совет такой бы дал: что полезно — замечай и на ус себе мотай! Забывать того не смеешь, что и ты, мой друг, имеешь вес немаленький в бою — на машину-то твою грузят нам боеприпасы, продуктовые запасы — все, что требует война. Этим, братец мой, страна вдоволь нас всегда снабжает. Тыл наш рук не покладает, сил в работе не щадя. Все зависит от тебя: коли груз доставишь в срок, для победы будет прок! Ну, а как того добиться? Это, как уж говорится, дело мастера боится.

Есть у нас шофер Степнов. Он не любит лишних слов, но коль все его советы и шоферские секреты ты продумаешь, друг мой, пораскинешь головой, — будет прок тебе немалый. Вот, к примеру, ночь настала — не включай, брат, полный свет — то приказ, а не совет!

Сквозь стекло обзор плохой — дверь кабинки приоткрой, глаз получше наостри

и внимательно смотри. Как бы ни было темно, но дорогу все равно рассмотреть всегда сумеешь и, как часики, доедешь. Если ж свет не выключаешь — поздно ль, рано ль, но поймаешь от «стервятника» фугас. В темноте не жми на газ. Ведь дорожки фронтовые не бывают, брат, пустые. Здесь во все глаза гляди и с боков, и спереди. Позевал на белый свет — глядь, полкузова и нет!

Если пыль, туман иль дождь — осторожность лучший вождь. Перекресток, поворот — дай машине тихий ход, руль держи всегда правее, а сигнал давай длиннее.

Там, где есть подъем крутой, дай разгончик небольшой, чтоб мотор не перегрелся. Я недавно насмотрелся, как один «лихой» шофер по горе машину вел: снизу первую включил, весь подъем на ней «пилил». От машины валит пар, словно тульский самовар на колесах, а не «ЗИС» — вот таких вещей стыдись! Это воину позор, чести воинской укор. Над машиной-то трудились не за тем, чтоб так глумились. Лучше дай остыть мотору и потом взбирайся в гору. А при спуске с этих гор — выключай совсем мотор. Если ж будет круто очень, тормозам держать нет мочи, — жми на низкой передаче, тут нельзя уже иначе.

Нужно вброд ручей проехать — посмотри, где лучше съехать, где поменьше глупина, поплотнее почва дна.

Но на всякий случай, братец, ты имей с собой домкратец, в рейс не ездь без лопаты, без цепей на оба ската. Без топорика и троса не высовывай и носа, ломик также не забудь. Все проверь, тогда — и в путь.

Знай, шофер, свою машину, проверяй почаще шину. Перед тем, как ехать в путь, все проверить не забудь, каждый винтик осмотри и снаружи, и внутри, все ли есть ключи в наборе, чтоб не мыкать тебе горе, коль сломается что в рейсе. Ты на дядю не надейся.

Чтобы груз был в срок на месте — это дело твоей чести.

Раз машину в рейс ведешь — все равно, что в бой идешь. Не доставил груза в бой — отвечаешь головой!

О водителе машины

Нынче в нашем разговоре потолкуем о шофере. О шофере фронтовом, кто в бою своим трудом бить врага нам помогает, кто под градом пуль бывает, расчищая грязь под шиной, пробирается с машиной по любому бездорожью. Про него не будет ложью так сказать: что он — герой наравне, мой друг, с тобой, не щадя ни сил, ни жизни, защищает честь Отчизны.

Вот сержант Андреев, Сластин — шофера из нашей части — сами немцев хоть не били, но геройски подвозили и патроны, и снаряды — все, что нам для боя надо.

Ночь, полночь, пурга, грязища, тут над ними пули свищут — знай везут свой груз вперед, и ни что их не берет! Разве это не геройство? Есть у них такое свойство: лучше сами недоспят, но машины оглядят, и уж те их не подводят — по любым дорогам ходят.

Вот такими шоферами вы гордитесь даже сами. Их не грех в пример поставить. Мало знать, как надо править, как баранкою вертеть. Нужно, братец мой, иметь и уменье, и сноровку, пробираться быстро, ловко не по гладкой мостовой — по дорожке фронтовой, где и рытвины, и ямы, и воронки, и изъяны, и при всем при этом сверху ожидай еще помеху. А чуть-чуть заморосило — и дорогу размесило. Тут уж, братец, без цепей запоешь, как соловей. Да цепей одних и мало — ты во что бы то ни стало припаси домкрат, лопату, две колодки под скаты да буксир на всякий случай. Вот тогда не бойся тучи. Коль усердно попотеешь, так в любую грязь проедешь.

И мотай себе на ус: коли в срок доставишь груз, подвезешь на фронт снаряды, значит будут немцы-гады завсегда с лихою биты, а кто бил их — не забыты. Среди них и ты, как воин, тот, что славы стал достоин службой верною стране, героизмом на войне.

О старшинах

Подходи, садись в кружок, побеседуем, дружок.

Речь пойдет о старшине. От него ведь на войне наш успех зависит, братцы. Ты попробуй-ка сражаться без патрон, без мин, снарядов. И сумеешь ли ты гадов гнать и бить так ловко, шустро, коль в желудке твоём пусто, коль тебе обед не носят, коль ботинки «каши просят»?

За каптером, кашеваром наблюдал всегда, бывало, сам Суворов — генерал. И пощады не давал. Если в каше недоварок — отпускал по норме палок. И в «Науке побеждать» не забыл он указать, чтоб на маршевом пути повар ехал впереди, чтоб обед в боях был к сроку, кухарь был неподалеку. В своевременном обеде есть условие к победе. Коль одет, накормлен воин, он в бою сильнее вдвое.

В ротах ваших я бываю и старшин немало знаю. Много есть среди них примерных, долгу воинскому верных. Вот Рубцов, Дьяченко, Бабкин — не сидят, зарывшись в тряпки. Не найдешь ты их в тылах. С термосами на плечах ты найдешь их там, где бой, в одном ровике с тобой. Сами воина накормят и того уж не позволяют, чтоб боец был неопрятен. Видно, им давно понятен тот суворовский завет, что в неряхе проку нет. Раз дозволил не умыться, не постричься, не побриться, не сменил бойцу рубашу — он привык и стал неряхой, а неряха на войне может стать врагом вдвойне. Нынче лень зашить спецовку, завтра — вычистить винтовку. Ты надеешься — поможет, он же выстрелить не сможет — вся винтовка заржавела. Раз — осечка, два — заело. Завозился, тырь да пырь и — подвел под монастырь. Сам-то стал он грязный, жалкий и винтовку сделал палкой.

А виновен кто, брат, в этом? Не замедлю вам с ответом: старшина, никто иной! То его был долг святой — за бойцом своим следить и, как начал он дурить, не давать ему поблажки. С непочиненной ру-

башки начинается такое, что врага страшнее вдвое. Всем понять пора нам толком, что бойцам нужны иголки не формальности лишь ради, чтобы значились в тетради, а затем они давались, чтоб неряхи не рождались! И таким старшинам честь, у кого порядок есть, кто следит, как мать, за ротой, окружает всех заботой. Но позор тому и стыд, кто украдкой норовит увильнуть от всех забот, жить без горя и хлопот.

Шел недавно я домой. Вижу, топают связной по фамилии Хорольский. На дороге грязно, скользко, а на нем ботинки, братцы, — не дай господи, приснятся: вроде дамских сандалет. От верхов помина нет — одни ленточки остались, каблуки совсем стоптались, ну как есть одни подметки, разноцветные обмотки. А шинель — жилета вроде. Вот, попробуй-ка в походе ей укрыться, постелить и подушку смастерить, если вся она, ей-ей, гимнастерки не длинней!

Кто же ввел такой фасон? Сам Хорольский? Нет, не он! Так одел своих бойцов старшина их Воронцов. Тут уж он один в ответе. Есть такой закон на свете — коль замены нет порой, есть сапожник и портной. Сделай все, но чтобы воин и по виду был достоин чести, звания бойца, не позорил бы лица нашей армии народной — самой славной, благородной. Весь народ бойцом гордится, день и ночь в тылу трудится, и снабжает нас богато всем, что нужно для солдата. Грузы к нам за валом вал! Кто ж нам с вами право дал исказить лицо солдата? Вы ответьте мне, ребята.